

СИНИЦА

А жизнь ещё, как будто длится,
Хотя все вешки снесены...
И вечность медленная мглилась
Среди стеклянной тишины.

Как птица, вспархивает ветер
Ночь загоняет под крыльцо...
Взмахнёт синицы лёгкий веер
И опохнёт моё лицо.

Мне так охота затаиться
И видеть, как в зазорах мглы
Ко мне летит моя синица,
Чтоб пеньем оживить углы

Моей души многострадальной,
И радость из неё добыть...
Летит она из рощи дальней
Мою тоску растеребить,

Разворошить моё сознание,
Растормошить слепую кровь,
Да так, чтоб сердце распознало
Во мгле последнюю любовь.

* * *

Ветер байкальский меня не спросился,
Ветер свихнулся, ударил в лицо
И по тревожной земле покатился,
Будто бы жизни моей колесо.

Вот она круглая жизнь! Приникая
К мимо летящему полю, где рожь,
Я ей кричу: – Ах, ты, жизнь растакая!
Как ты меня по ухабам несёшь!

По златокудрым и чувственным бабам,
По крутоярам и дырам земли,
По деревенькам и рошицам рябым,
Где мои лучшие годы прошли!

Круглая жизнь, где твоя остановка?
Пламенем к небу взметнулись года...
Осень. Погост. Зазвенела подковка,
Будто упавшая с неба звезда...

* * *

Белошвейка-зима над полями застыла,
Белым инеем жухлые травы зажгла,
И к погосту пришла, тёмный Храм засветила,
И в туманных полях скорбный крест прибрала.

У природы нет зла и глухой, укоризны,
Тишина и печаль, как водицы бокал.
Здесь Рубцов проходил по изменчивой жизни
И в болотах последнюю клюкву искал.

Белошвейка-зима, мы покличем Рубцова,
Чтобы он – тихим днём – в русском поле ожил.
Вдруг туманы ушли. Стыло небо свинцово,
И на небе Рубцов или месяц кружил...

* * *

Мир тяжёлый вокруг, он и новый, и древний,
От орудий глубокие в нём колеи.
А я снова во сне, навещаю деревню,
Крутояры мои, глухомани мои.

Светит грустная даль и угрюмится осень,
По откосам дорог конский щавель стоит.
Терпкость прошлого дня
тёплый воздух приносит,
И щемящую боль в птичьих криках таит.

Запахнула печаль до китайской границы
Пустоту одичавших сибирских полей.
Снится им или нет золотая пшеница,
Молодых колосков сладкий запах и клей.

Но лежит пустота целиной поднебесной,
И молчит пустота над деревней моей,
Обернулась земля нескончаемой бездной,
И не стало на Родине хлебных полей.

Мне охота кричать, чтобы лоно земное
Стало жить и рожать, пить дожди и ручьи.
Слышу – стонут во тьме, убегая за мною,
Крутояры мои глухомани мои...

* * *

За кедровой далью и осиновой
День-другой в зимовье проведу,
Посижу у лампы керосиновой,
И от битвы дух переведу.

Вышепчу тоску свою осеннюю
Узкому, дремучему окну.
Подожду летучего Есенина,
Блоку проходящему махну.

Мне от Блока тайна будет выдана,
И от Слова отданы ключи.
Зазвучит мелодия Свиридова,
И в тайге очнутся кедррачи.

Зазвенит метелица осенняя,
Чёрный космос высветит луна.
Я в зимовье приглашу Есенина
И налью убойного вина.

Сядем на сосновую колодину,
И, тревожа сонную тайгу,
Беспробудно будем пить за Родину,
За любовь и русскую тоску...

* * *

Мне жить в самом себе не просто,
Не просто мне в себя смотреть.
Во мне ворочается космос,
Как будто раненый медведь.

И я постичь себя пытаюсь,
Непостижимое узреть.
Борюсь с собой,
с собой братаюсь,
Стремлюсь любимую согреть.

Моя любовь, как дальний остров,
Глядит в меня издалека.
Там бьются волны, светят росы
И проплывают облака.

Там жизнь вершится без нажима,
Там вспышки глаз и угли губ
Нацелены неустрашимо
В мою космическую глубь.

И я, большой, неизмеримый,
По краю космоса лечу.
И слышу: – Я с тобой, любимый!
Лететь мне рядом по плечу.

Любимая! Не стань постылой,
А коль остынешь, помни впрядь:
Погибну я среди пустыни,
Как будто раненый медведь.

СНЕГОПАД

Был свет на улице потушен...
Вдруг с неба рухнул снегопад.
Ах, нет! С небес летели души
Убитых на войне солдат.

Я думал, что летят снежинки,
Минуя Лондон, Амстердам,
А это души, как пушинки,
Летели к русским городам.

Летели души и искрились,
 Дымились рощи и поля.
 Их было столько, что покрылась
 Летучим саваном земля.

Я видел – это были жизни
 Солдат, погибших на войне.
 И дрожь прошла по всей Отчизне,
 И болью вскрикнула во мне.

* * *

Я город оставил железный,
 Ушёл от людской суеты
 В молчанье осеннего леса,
 Где бродят по лесу цветы.

Вдоль тропок надёжно, и просто
 Прозрачные встали кусты.
 И смотрят мне в душу с погоста,
 Как люди живые, – кресты.

* * *

Я – русского мира поборник,
 Пришедший к нему на века.
 Я – стражник, радетель и дворник
 Живого его языка.

Я равным той силе не буду,
 Что тайной гудит в языке,
 Но рад я великому чуду,
 Что светит в библейской строке.

ПОЗЁМКА

Завивает позёмка земные концы,
 Серебрится змеёй за синеющей далью,
 Засыпает осенней реки останцы,
 И в душе у меня стекленеет печалью.

И леса, и поля застилает, как дым...
 Человек под собою не чувствует тверди,
 Пропадает в позёмке, как будто над ним
 Не позёмка летит, а дыхание смерти.

Протыкает позёмка бревенчатый дом
 И таскает за космы пустое болото...
 ...Над землёю летят, будто некий фантом,
 И скрипят деревянные крылья заплота.

Вместо стёкол в окне — чёрно-белая мгла,
 И душа не поёт, и дорога затмилась,
 Словно в щели небес вся земля протекла,
 И позёмкой в ночи даже тьма задавилась.

Узнаю тебя, жизнь, принимаю
 И приветствую звоном щита...

Александр Блок

И снова галки и вороны
 Слетаются, галдят о том,
 Что я лежу в траве зелёной
 С пробитым сердцем и щитом.

Мой щит пробит, пробито сердце,
 И я лежу среди равнин.
 О, где мои единоверцы?
 На поле битвы я один.

А поле древнее разрыто
 Стремниной вражеских копыт,
 И войско русское разбито,
 И даже лунный диск убит.

Как грают галки и вороны!
 Волками стелятся точь-в-точь.
 Россия, твоего урона
 В седой степи не превозмочь.

Неужто, нет уже спасенья,
 Моя земля, моя страна.
 В Господний праздник Вознесенья,
 Земля, ты будешь спасена!

Вздохнула жизнь и наклонилась
 Над бедной Русью, надо мной,
 И сердце новое забилося
 Во мне под новою луной.

ЗЕМЛЯ

На самом дне алеющего утра
 Проснусь и замираю, и от него таюсь.
 Средь сизых облаков, среди туманов утлых,
 Как будто рыба омуль в сетях рассвета бьюсь.

То кану, то взовьюсь, сверкая опереньем,
 То чайкой голубой качаюсь на волне.
 Мне кажется Байкал моим стихотвореньем,
 Я в нём себя таю, а он живёт во мне.

Моя любовь к родной земле непостижима.
 Между моей душой и вечностью земли
 Совсем зазора нет. Мы с ней нерасторжимы.
 Мы в космосе — вдвоём! Друг друга мы нашли.

В крошечной темноте я продышал оконце,
 Когда дремал рассвет и спали тополя,
 Чтоб тёплое, как печь, уже вставало солнце,
 Чтоб грелась поскорей родимая земля.